



**СТАЛИН  
ШУТИТ...**

Юмор – это серьезно

# **Сталин шутит...**

«Алисторус»

2013

УДК 327  
ББК 66.4

Сталин шутит... / «Алисторус», 2013 — (Юмор – это серьезно)

ISBN 978-5-4438-0385-2

Сталин шутит... Современный читатель не привык к подобным выражениям. Он скорее настроен на противоположное: Сталин не шутит... Ведь многих буквально перекормили «ужасами сталинизма», доведя до абсолютного неведения о прошлом, до катастрофического непонимания настоящего и до патологической боязни будущего. Неведение, непонимание и боязнь относительно той роли, которую в жизни страны и в личной жизни вождя играли сатира и юмор, в равной степени свойственны оболваненным потребителям антисталинского телерадиопечатного варева. Между тем, шутки Сталина могли нести серьёзную философскую нагрузку либо просто являлись прекрасными образцами острословия. Попытки издавать юмористическую сталиниану предпринимались не раз. Естественно, сталиниана делится на отрицательную и положительную. Если первая, как правило, представляет собой плод параноидальной ненависти к Сталину и результат застарелых фальсификаций, то вторая есть интересный, необычного ракурса взгляд на историю страны и мира. Книга, которую читатель держит в руках, принадлежит к произведениям именно с таким взглядом. Она является самым полным на сегодняшний день собранием окрашенных шуткой фактов, мифов, легенд о Сталине, а также просталинских анекдотов. В ней отражено практически всё сатирико-юмористическое наследие вождя, как изустное, так и вышедшее из-под его пера и опубликованное. Официальные источники, откуда почерпнуты образцы юмора Сталина, являются преимущественно прижизненными публикациями. В них немало потрясающих неожиданностей. Тем более читателя ждут открытия в материалах, которые при живом Сталине не были, да и не могли быть напечатаны. Ведь многие из них, даже одобренные изрядным весельем, относились к разряду секретных и лишь спустя долгое время становятся достоянием гласности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-4438-0385-2

, 2013

© Алисторус, 2013

# Содержание

Предисловие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# **Сталин шутит...**

## **Автор-составитель Л. Гурджиев**

© Гурджиев Л., 2019

© ООО «ТД Алгоритм», 2019

## Предисловие

*Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма...  
Уинстон Черчилль*

«Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, оплеванная, окарикатуренная, но не понятая», – писал философ Александр Зиновьев, некогда убежденный антисталинец, диссидент-антисоветчик со стажем.

Многое переоценивший, особенно в результате горбачевской перестройки и постперестроечных трагедий, он продолжал: «Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждение: она заслуживает понимания».

Понять и познать Сталина и сталинизм бывает и просто, и нелегко одновременно. Таково диалектическое свойство любого мало-мальски заметного явления в истории. Сталинский же период ее не зря назван ЭПОХОЙ. Это значит, что для ее осмысления и извлечения соответствующих уроков требуется намного больше, как времени, так и умственных сил плюс основательный нравственный потенциал, чем для любого другого отрезка мировой истории.

Жизнь в сталинском СССР была счастливой и трагической, цельной и двойственной, солидарной и противоречивой, но осталась уникальной и великой, пронизанной неизбывной мудростью и... искрометным весельем. Она продолжает плодоносить отличным, бодрящим юмором. Поэтому изучать ее, дивиться ей будут долгие века многие поколения. О гнилых плодах, которые нам пытаются всучить, как якобы выращенных на ее почве, я скажу далее.

А сегодня мы пока больше дивимся дремучему невежеству тех людей, которые убеждены, что наибольший вред нашей стране за всю историю нанесли не татаро-монголы, не фашисты и даже не осточертевшие евреи, а персонально И.В. Сталин. В результате, когда однажды по московскому радио транслировалась викторина и был задан вопрос, кто продал Аляску американцам, некто на полном серьезе ответил: Сталин продал. Хоть плачь, хоть смейся. С одной стороны, это – приговор низкой культуре десталинизированного общества. С другой – готовый, спонтанно родившийся анекдот. Причем, не антисталинский, а в пользу вождя.

Труднее всего понимать реальности сталинской эпохи тому, чьи мозги замусорены буржуазными агитками и дешевыми антисталинскими сочинениями, в изобилии извергаемыми телевидением, радио, печатью. Пресловутая и лживая «свобода слова» – эта пародия и на свободу, и на слово, и на саму мысль – атомизировала массовое сознание. То есть разбила его на неспособные к осознанному интегрированию части. Особенно на Западе. Но и у нас для значительного количества людей история страны и мира остается неизвестной или малопонятной, а чувство юмора – атрофированным.

Юмор, смех – это интеллектуальная разгрузка и психологическая гигиена, это встряска для ума и тела, духовная подзарядка. Лишь в этом случае они побуждают ДУМАТЬ и ДЕЛАТЬ, стимулируют нравственное самосовершенствование и нетерпимость к социальным и биологическим извращениям. Этой функции лишена гогочевская пошлость жванецких и хазановых, «комеди клубов» и «наших раш». В их выступлениях при несомненных отдельных остроумных находках стимулируется прямо противоположное: бездумье, беззаботность, безделье. Они склоняют к терпимости по отношению к самым гадостным порокам бытия.

Раскрепощение разума?

Раскрепощение инстинктов.

Пополнение интеллектуального багажа?

Пополнение мощны дельцов шоу-бизнеса.

Свобода живой, яркой личности?

Свобода расфуфыренного стада с мозгом размером в горошину.

Свобода – вещь достаточно серьезная, как в философском, так и в практическом плане. Но в жизни хватает уморительных профессионалов и любителей от свободы, которые обращаются с этой норовистой лошадью, воспринимая ее так, как детишки – деревянную лошадку на колесиках.

От них слышишь: «Но меня же в сталинском СССР могли посадить за анекдот о вожде. Нет, не надо мне такого режима, при котором за анекдот сажают...».<sup>1</sup>

Известно ироническое выражение: не учите меня жить, лучше помогите материально. Учitando, что на постсоветском пространстве организаторы платного плача по свободе обрели не только любимую игрушку, но и солидное финансовое положение, можно было бы надеяться услышать от них: в материальной помощи не нуждаюсь, лучше научите меня жить.

Увы. Обожравшееся брюхо к науке глухо. Поэтому без всяких потуг на учительство просто довожу аксиомы обществоведения до сведения тех, кто наслышан про анекдотобоязнь в эпоху товарища Сталина.

Итак, не спеша загибаем пальцы.

Во-первых.

Необходимо делать серьезную поправку на время и обстоятельства. А знают ли «просвещенные» и «свободолюбивые» господа, что до войны во всех сопредельных государствах, кроме Монголии, царили фашистские либо полуфашистские порядки? Прибавим сюда десятки стран поодаль, да сотню с гаком колоний. Тамашнее население зубоскальством по адресу правящих государственных мужей сильно не расслаблялось. Даже если речь шла о вышучивании чиновников провинциального масштаба. Помалкивало в тряпочку, коль собственная шкура была дорога. И это мягко сказано. Ибо в колониях такая вольность граничила с богохульством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-вторых.

В мадемуазельно-марсельезной Франции поострить в захолустном винном погребе о власть предержащих, действительно, допускалось. Но попробовал бы кто-нибудь из подданных английской короны громогласно пройти по адресу носителя этой короны, находясь в зоне досягаемости правоохранительных слуг их высочества. (В силу компактности островного государства его жители в сей зоне находились и находятся практически постоянно.)

Да что там Англия. Никто из «всяких прочих шведов» разного географического местоположения не отваживался прилюдно каламбурить по поводу своих августейших особ. Что же касается особ и вовсе ничтожных – лавочника, например, то шутников та особа очень часто и очень запросто могла поколотить, выгнать с работы, лишитъ жилья. Как самолично, так и при помощи полиции.

В-третьих.

США – оплот свободы и демократии, а также колыбель анекдотов, зачатых соответствующей поправкой к конституции и рожденных разлитым масс-медийным морем. Правда, знакомо подобное суждение? Но его имеет обычно тот, кого вместо материнского молока вскормили кока-колой. Можете представить себе негра в южных штатах, который не то, что

---

<sup>1</sup> Слово «анекдот» вошло в русский язык в конце XVIII – начале XIX вв. Так называли более или менее правдоподобную историю о каком-нибудь видном персонаже из прошлого или настоящего. Это придавало остроту и легкое изящество светской беседе. К началу XX в. анекдот из аристократической среды перекочевал в мещанскую. Появились пошлость и плоский юмор. Некоторые представители русской знати стали считать рассказывание анекдотов дурным тоном. В сущности говоря, такой процесс шел и в других странах. Тем не менее, аристократы «баловались» неизящной словесностью, да и народ полюбил анекдоты. Самые блестящие образцы жанра фактически построены на сюжетах из многовекового фольклорного богатства. Более того, многие из них, рождаясь в гуще народной, обретали некую воспитательную функцию, в них прибавилось философии. Как ни странно, но классификация анекдотов довольно сложная, даже путаная. В порядке упрощения я бы разделил их всего на два типа: полезные и мусорные. Обе характеристики, разумеется, должны быть обусловлены социально. (Здесь и далее в сносках примечания мои. – Л.Г.)



по адресу хозяина Белого Дома съязвил, а просто вздумал печатно либо устно пошутить над белым джентльменом или, боже упаси, белой леди? Шериф уже прятал бы в кобуру дымящийся кольт...

Кто-то скажет, что все это в прошлом, что сегодня президентом США может стать чернокожий афроамериканец. Хм, так ведь и мы, сопоставляя нравы советские и североамериканские, говорим о прошлом – о сталинской эпохе. В ту пору шерифский кольт дымился, где чаще, где реже, но наискосок через все штаты: от Сиэтла до Хьюстона, плюс Аляска. Кроме того, президент Барак Хусейнович Обама-младший является чернокожим лишь наполовину. (С точки зрения расистов-европеоидов папа подкачал, с точки зрения расистов-негроидов мама подкачала. Хотя, между прочим, по маме он и вовсе происходит из самых что ни на есть «богоизбранных» белых.)

В-четвертых.

Миллионам китайцев, индийцев, арабов, африканцев, находившимся в орбите мирового капитализма и умиравшим от голода и карательных экспедиций на протяжении большей части XX века, было, извините, не до юмора. Равно как миллионам крестьян Латинской Америки, на которых кое-где латифундисты охотились с собаками, как на животных, и которых они во многих регионах еще со времен испанского владычества отучили смеяться вообще. Полномерная улыбка как тень надежды мелькнула на челе латиноамериканских бедняков лишь после событий 1917-го в далекой России. А массово стала возвращаться к ним на волне подъема освободительного движения во второй половине прошлого столетия и победы кубинской революции.

В-пятых.

Горстку куцых территорий, где за политический юмор не били, не сажали, не расстреливали, нам хотят выдать за образец для подражания? Нам, находившимся в сталинскую эпоху в жесточайших клещах самых реакционных и самых могущественных внешних сил? Нам, без посторонней помощи выбиравшимся из разрухи и темноты к экономическому и культурному расцвету? Нам, которым пятая колонна всаживала нож в спину, а на рукоятке того ножа, как отпечатки пальцев, оставались анекдоты? Не слишком ли много риторических вопросов, включая последний?

В-шестых.

Перебрасывая мостик в наши дни: с чего вы взяли, что в мире царит свобода слова и нет никакой цензуры? Я толкую не об «отсталом» поясе Азии, Африки и Латинской Америки с его многомиллиардным «лишним населением». Я имею в виду «передовой» Запад с его благословенным «золотым миллиардом».<sup>2</sup> Желающих оседлать коня свободы и поржать вместе с ним здесь хоть отбавляй. Но, если перечислить законодательные запреты на «ржание», принятые в большинстве стран Европы, примкнувшего к ним Израиля и паханствующих над ними США, то не хватит всего предисловия к этой книге. Позорный парижский журналчик «Шарли Эбдо», отличившийся бесстыдными карикатурами, может сколько угодно глумиться над русскими или арабами. Но пусть он только посмеет замахнуться на израильтян, на сионистов вообще.

---

<sup>2</sup> «Золотым миллиардом» принято называть население наиболее экономически развитых стран Запада. В развернутом идеологическом понимании этот регион включает в себя неславянскую Европу, нелатинскую Америку, Японию, Австралию, Израиль, «белую» Африку. Действительно, человечество перевалило за семимиллиардный рубеж, а относительно высокие материальные стандарты жизни имеет только «золотой миллиард». Термин устоялся, однако на самом деле это вовсе не миллиард, а приблизительно половина названной цифры, ибо людей нуждающихся, лишенных доступа к большинству благ западной цивилизации, в ее собственной среде предостаточно. «Золотомиллиардная» часть планеты, являясь цивилизационным меньшинством, расходует на себя до 80 % мировых природных ресурсов. Не за счет своего таланта, не по праву законного владения, не ради прогресса человечества, а за счет неэквивалентного товарообмена, по праву наглого силача, ради собственных прихотей. «Золотомиллиардники» не желают сокращать собственный роскошный уровень потребления, хищнически относятся к невозобновляемым ресурсам и зарятся на природные богатства всего земного шара. Рост незападного человечества рассматривается ими, как угрожающий вызов: набралось чересчур много едоков, которые мешают сытно и комфортно существовать живоглотам Запада. Число «неэкономических», «нерентабельных» земель они определяют более чем в 6 миллиардов.

Завершая загибание пальцев, перейду от дольней к горней ситуации в области юмора. Вечной и неизменной.

Кто-то где-то как-то сказал, претендуя, видимо, на божественное откровение, что свободы на этом свете нет, она есть лишь на свете том. Спешу разочаровать: ее не просматривается ни в вышних, ни в преисподних сферах. В самом деле, попробуйте-ка рассказать в раю анекдот со сквернословием. Ангелы с архангелом вас мигом вышвырнут в ад. А в аду мало не покажется хулителю вельзевула. Младшие черти донесут о смутьяне князю тьмы – и вариться заживо в кипящем котле станет для бедолаги-смутьяна не самым сильным наказанием. Будут и похлеще.

Добро бы вся критиканствующая антисталинская публика с ее двойными стандартами изучала и оценивала тему свободы научно и социально опосредовано. Она же смакует тему, словно попивая ее, ну прямо как коктейль в баре – не более того.

Ладно, согласилась эта публика, без анекдотов можно прожить. (Вот спасибо, мы не знали.) Однако невозможно, дескать, примириться с отсутствием других свобод в сталинском обществе. И тут она затронула вторую после анекдотов «больную» для нее тему.

Еще раз напомним, что судит она обо всем, находясь в баре XXI века с коктейлем в руках, и в упор не видит ничего за пределами не то, что века, но даже отдельно взятого бара. Не ведает, что там, вне пространства и времени ее обитания, большинство человечества мечтало и мечтает не о глотке коктейля, а о куске хлеба.

Мне, да и, наверное, многим приходилось слышать от иного отечественного туриста, вернувшегося из поездки в Турцию или Испанию: «Разве мог я мечтать съездить туда при твоём Сталине? Так что не агитируй меня, не нужно мне твоего сталинизма с его закрытыми границами...»

Вот уже и на «ты» перешли. Хорошо. Опять загибаем пальцы.

Во-первых.

Агитирует не сталинизм, а сама жизнь нашей расколотой на части державы, где огромное число людей не то, что за границу – в соседний город с трудом выбирается. Чаше по банальной, бытовой причине: нет денег, а билет даже на электричку или автобус дорог. Порой – по причине политической: визу не дали либо ее хлопотно получить, ибо город-то уже закордонный, иностранный.

Наконец, того, кто, экономя на общественном транспорте, долго бредет пешком на работу и с работы, меньше всего заботит поездка в Монако или Абу-Даби, в другие места, популярные у богачей – прожигателей жизни. Ведь поваляться недельку на пляже в Анталии или Хургаде – ему и то не по карману. (Я имею в виду то население, которое находится у черты или за чертой бедности и которого в России по разным данным от 40 до 60 процентов.)

Во-вторых.

С фашистскими и полуфашистскими государствами тебе по-прежнему что-то неясно? С 20-х до 50-х годов прошлого века в Турции или в Испании с их авторитарными режимами тебя как гражданина СССР обычно поджидали не горячий донер-кебаб или прохладная мансания в местных ресторанчиках, а скудный паек в местной кутузке. Угодить же в нее можно было всего лишь за то, что у тебя была, как говаривал Владимир Маяковский, молоткастая и серпастая краснокожая паспортная.

В-третьих.

Ты же просто не ведаешь, что на большей части Европы, да что там Европы – земного шара – были всего две-три страны с относительно свободным въездом-выездом. Забыл, что Африка и Азия до шестидесятых-семидесятых годов минувшего столетия стонали в колониальных кандалах и бдительные колонизаторы туда не всякого постороннего европейца пускали. Никто не рассказывал тебе, что в первой половине XX столетия даже богатые «белые люди»

не рисковали ездить на отдых в большинство стран Латинской Америки. (Догадайся сам – почему.)

Словом, отпустил бы тебя Сталин на все четыре стороны и куда ты, бедолага, смог бы податься? Может, в Таиланд, где тебя, как «красного лазутчика», долго бы лупили по пяткам бамбуковыми палками в ближайшем полицейском участке.

В-четвертых.

Твое незнание касается не только прошлого, но и настоящего. Вернувшегося из Турции соотечественника я спросил однажды, что он видел в Стамбуле. Дело не в том, что он красочно описывал изобилие товаров в Капалы Чарши – на Крытом рынке Стамбула. Шоп-турист он и есть шоп-турист. Но каким же надо быть шопоголиком, чтобы не заметить, как в нескольких кварталах от того места, где он выгодно отоваривался, в это же самое время шли настоящие бои турецкой полиции с турецкими демонстрантами. С применением бронетехники и вертолетов. А уж вой сирен стоял – не приведи господь. Но вкусивший радостей постсоветского шопинга не слышал ни воплей, ни сирен, ни выстрелов, не видел ни убитых, ни раненых.

В-пятых.

Это действительно прекрасно иметь возможность путешествовать, как по своей стране, так и по другим. Но вояжи богатых россиян на альпийские горнолыжные курорты смешно принимать за туризм. Ныне среднему россиянину в общем-то по средствам слетать ненадолго в некую экзотическую страну, чтобы пожить в дешевеньком отеле, попляжиться да поглазеть на местные достопримечательности. Я же предлагаю начать с элементарного – с некогда доступного туризма на необъятных просторах СССР.

Можно ли (т. е. по карману ли сегодня) уральскому студенту, не имеющему родителей-олигархов, съездить на Рижское взморье? Можно ли обыкновенным ростовчанам побывать в долине гейзеров на Камчатке? Можно ли пенсионеру из Армении совершить экскурсию на Алтай? Можно ли рядовому эстонскому рыбаку ознакомиться с красотами Закарпатья? Можно ли таджикским дехканам отправиться на отдых в Сочи? Можно ли простому украинцу совершить поход по туристским тропам вокруг Байкала или Иссык-Куля? Можно ли рабочему-москвичу скопить денег, чтобы провести месячный отпуск с семьей в Приэльбрусье, да еще вернуться всем оттуда целыми и невредимыми?

Понятное дело, я не настаиваю на ответах, и даже приношу извинение за бестактные вопросы.

В шестых.

Кладем не на мечтательные, а на конкретные, элементарные веса человеческой жизни базовые духовные и материальные ценности. На одну чашу – демагогически-липовую открытость границ при СНГовенных режимах с их унылыми и опоганивающими все святое в людях рыночными отношениями. Добавляем сюда же шмат нездорового, сального, тухловатого юмора с гнилозубой сатирой. На другую чашу – богатейший набор социальных преимуществ сталинского режима.

Кратко перечислю их: бесплатное или крайне дешевое жилье, такое же продовольственное обеспечение, образование, здравоохранение, разнообразный и доступный досуг и отдых, включая небывалое развитие физкультуры и культуры вообще. А также – не на словах, а на деле равенство и общественный порядок с их бескорыстием, энтузиазмом, дружбой, прочими высокоморальными проявлениями отношений между людьми и народами. Добавляем сюда крутотелую, румянобокую и зубастую сатиру с прослойками здорового, сочного юмора.

Есть и в седьмых, и в восьмых... Но – довольно. О более «серьезных» упреках в адрес сталинской эпохи я промолчу. Иначе они нас далеко уведут от главной темы этой книги. Да и нового в них ничего нет. Упрекающие опять разводят бодягу насчет «незаконных массовых репрессий» и прочую многократно опровергнутую трепотню. Обратим внимание лишь на то, как смешон бывает тот или иной критик сталинизма, разгоряченный высокоградусным про-

пагандистским пойлом, поданным ему хоть с университетской кафедры, хоть в вечерней телепрограмме, хоть на деревенской завалинке...

И вот, что интересно. Несмотря на процессы глобализации, все больше усиливаются непонимание, многочисленные антагонизмы внутри и вне обществ, разделенных по признакам социальной, национальной, религиозной и иной принадлежности. Даже юмор – уж на что, казалось бы, универсальное явление – стал приобретать все более яркие черты не только культурного, но и классового раскола.

Взять те же самые байки вокруг Сталина. Одну и ту же историю сталинист и антисталинист воспринимают совершенно по-разному. Нередко то, что смешно для одного, вызывает негативные эмоции у другого и наоборот. То, что одни рассматривают в качестве, если не тормоза, то вспомогательного движка, другие рассматривают в качестве, если не главного двигателя в целом, то его основы.

Вульгарная социология приписывает анекдотам чуть ли не решающую роль в политической и других сферах жизни. Пытается усмотреть в них основополагающие инструменты изменения общественного сознания. Считает, например, что обилие анекдотов о Сталине суть свидетельство сопротивления режиму вчера, неприятия сталинизма сегодня, недопущения его завтра.

Это, безусловно, ерунда. Первое лицо государства везде автоматически становится главным героем современных ему анекдотов, рассказывают ли их громко или передают шепотом. Если о нем и после смерти продолжают возникать анекдоты, то это признак незаурядных или даже выдающихся качеств его личности. Пример навскидку: анекдоты о Брежневе отходят в прошлое, о Сталине – множатся.

Всегда есть общественные движения, сплоченные на базе того или иного манифеста, даже плохого и косноязычного. Не было и не будет движений, сплотившихся на базе шедевров анекдотного жанра. Анекдот – незначительная частица культурной надстройки и к экономическому базису имеет подчиненное отношение. Ну, а то, что частица сия популярна настолько, что может быстро облететь весь мир, является вполне закономерным явлением в свете ускорения темпов жизни, развития коммуникаций и более тесного общения людей.

Расширение и углубление общения, однако, не есть признак единомыслия. В десталинизированном, а по большому счету в любом капиталистическом обществе разница между людьми, особенно между богатыми и бедными, между сторонниками западной либо восточной цивилизационной ориентации непрерывно увеличивается. И если кто-нибудь думает, что дело касается только экономических систем и традиционных бытовых укладов, эфемерных идей и виртуальных идеологических конструкций, то он жестоко ошибается. Прежде всего, ошибается в понимании идеологии, как сферы, где перекрещиваются, то одерживая верх друг над другом, то сливаясь, то взаимоуничтожаясь, духовные и материальные составляющие нашей жизни.

При этом идеологическая кройка и шитье в обязательном порядке должна иметь швы и строчки из юмора.

Идеология... Если коротко, то это есть система взглядов, ценностей, норм, воспринятых организацией, слоем, классом или всем обществом, с определением, как путей развития этих взглядов, так и целей, способов, рычагов их распространения и защиты.

В прошлом идеологию частенько называли ложным сознанием. Да и сейчас примеров ее ложности не счесть. Однако в стране победившего социализма – в ленинско-сталинском СССР, в других странах, последовавших советскому примеру, в огромном числе большевизированных политических организаций мира идеология обрела подлинно научный характер. Там она сливалась с образом жизни ее адептов, каковой формировался в лучших народных традициях.

Идеология суть ОБЩЕЕ дело ее носителей. Не по формальному, а по истинному служению этому делу. Только тогда она динамична и перспективна. Тогда она в каком-то смысле

даже мистически подвигает людей на преодоление невероятных трудностей и на впечатляющее созидание. В послесталинской державе объявленное дело – строительство коммунизма – все меньше являлось общим. Соответственно идеология постепенно теряла и динамичность, и перспективность, и мистику свершений.

По мнению серьезных и компетентных ученых «идеология не сможет оказаться эффективной и консолидировать раздираемое противоречиями общество, если не предложит некую структурирующую мегаматрицу, не даст некое стратегическое направление такой структуризации». Сказано сложно, но верно.

Остается присовокупить, что ее сила сосредоточена не только во властных и общественных структурах, но и в способности к творческому обобщению новых социальных явлений. Как это ни покажется кому-то странным, но исторический анекдот едва ли не самый гибкий инструмент таких обобщений.

Я не хочу сказать, что, если мы не будем придумывать анекдоты, не научимся воспринимать остроту слова с той же энергией, что и остроту некой ситуации, то общество не сможет мобилизоваться, модернизироваться, прогрессировать. Однако сатира – это грозовой разряд в ставшей душноватой атмосфере, это вихрь свежести и обновления. И анекдот – это, действительно, ее неотъемлемая, органичная, общедоступная составляющая.

Сфера идеологии окутывает жизнь социальную в точности, как земная атмосфера окутывает жизнь природную.

Общеизвестно, что земная атмосфера может быть чистой и грязной, оздоравливающей и отравляющей. Она проникает в тело и бедняка, и богача, и дай-то бог, чтобы всюду и всегда была полезной, лечащей. Так обстоит и с идеологией. В качестве спасающего лекарства либо губящей отравы, она прямо либо косвенно проникает и в бедняка, и в богача. Во всё – в разум, душу, тело. Она – в полизначности бытия. Она естественным образом доминирует во внутренней и внешней политике. И одновременно проявляется, живет даже в таких, вроде бы независимых от нее областях, как отношение к спорту, музыке, к институту брака и семьи. Она сокрыта в деятельности банков и фондовых бирж, в работе ведущих отраслей промышленности. Но не только. Ею как бы начинены изделия фастфуда, поскольку идеология буквально выпирает из «невинного» производства биг-маков и пончиков, да и вообще из всех остальных разнообразных занятий человека.

Не зря меры некоторых правительств по запрету либо ограничению деятельности «Макдоналдса» западники всякий раз истошно именуют политическими. США усматривают, и небезосновательно, именно идеологические мотивы подобного преследования (каковое, на мой взгляд, является вполне закономерным, справедливым).

Хорошо подмечено одним западным исследователем: всего лишь просто насвистывая мелодию, человек уже проходит стадию политического обращения, ритуал социализации, ступень идеологической учебы. Буржуазные идеологи не скрывают, что, например, посредством куклы «Барби» пропагандируют североамериканский образ жизни. Относительно же секса...

Курам на смех, скажет кто-нибудь, узнав, что в новой книге о Сталине и сталинизме, которую я готовлю к печати, уделено достаточно места для разговора о сексе с политической точки зрения. Советую, однако, не спешить с выводами. Читатель, конечно, имеет право рассматривать это упоминание в качестве ловкой авторской рекламы. А я имею право не разочаровывать ни любителей ядреной шутки и такого же смеха, ни приверженцев серьезного, строго аналитического чтения, и заявить:

Оказывается, таки-да, сталинизм – удивительно глубокий, многосодержательный феномен, вбирающий и раскрывающий лучезарные грани даже столь скрытой стороны бытия. Он отсекает от интимных отношений между мужчиной и женщиной все нездоровое, противоестественное, уродливое, заряжая их подлинно любовной энергетикой, которая обретает вольную, красивую, вочеловеченную реализацию.

Следы такого влияния сталинизма имеются в некоторых помещенных в этой книге материалах.

Не будем, однако, отвлекаться.

Итак, не только сатира, но и обычный юмор доверху наполнены идеологическим содержанием. Сегодня, когда орава отечественных юмористов потчует нас в основном беззубой развлекаловкой, необычайно выглядят многие шутки эпохи Сталина, которые несут основательную философскую нагрузку.

При этом хотелось бы отметить одну из приятных особенностей той эпохи. Рождавшиеся стихийно в народе анекдоты, где одним из персонажей выступал Сталин, в целом возвеличивали вождя. Тот выступал в них обычно не как третируемое, а как третирующее начало. Сугубо отрицательно он выглядел лишь в анекдотах, которые сотворялись «высоколобыми» антисоветскими интеллектуалами, еврейскими по преимуществу. Укоренившийся в народе позитивный сталинский образ злил их и вызывал желание затмить его мутным валом очернительских вымыслов и домыслов, для которых сюжеты брались отовсюду, откуда можно, даже из старинных антологий.

Они порой сами говорили о своем «творчестве», с удивлением констатируя (почти цитата):

Анекдоты о Ленине получаются злобные, но с уважением. Анекдоты о Сталине получаются очень злобные, но с очень большим уважением.

Зато анекдоты о Хрущеве получались у них смешные и незлобные, о Брежневе – и несмешные и незлобные, а о Горбачеве – совсем не получались и редко получаются, если к ним не приладить сталинский и околосталинский фон.

Непостижимым является также то, что сталинская шутка сплошь и рядом представляет собой совсем не шуточный феномен. Врагов от нее охватывал и охватывает нервный смех. Друзья, от души повеселившись, становились и становятся подтянутыми и серьезными.

В свое время распространителей искусственных, порочащих Сталина и советскую действительность придумок совершенно справедливо наказывали. Нарушение свободы слова и демократии в этом усматривают лишь те, кто ненавидели Сталина, Советский Союз, социалистический строй, с презрением относясь к нашему прошлому, цинично – к настоящему и с нескрываемой фанаберией – к будущему.

Злопыхатели этого сорта всегда любили вкусно есть и сладко пить и никогда не любили работать. Сталин заставил их взять кайло в руки и присмиреть. Ругательный анекдот о Сталине маленько тоже помог стране осваивать районы Крайнего Севера, а наиболее несознательным – овладевать новыми, полезными профессиями: шахтера, лесоруба, землекопа и т. д.

Поэтому очень вероятно, что нижеследующее шутливое и одновременно злое отношение выразил не сталинофоб, а тот, кто, напротив, любил вождя и был предан ему:

«Конкурс анекдотов о Сталине. Первая премия – 25 лет. Две вторые – по 15 лет. Три поощрительные – по 10 лет».

Есть и дополнение к конкурсным условиям. По более позднему сюжету на небеса для утверждения был послан перечень условий конкурса. Ознакомившись с ним, вождь лично вписал: «Учредить также главный приз: досрочную встречу с товарищем Сталиным».

Сталинисты двумя руками за проведение конкурса, подразумевая, что участниками будут выступать исключительно те, кто злословит в адрес вождя. Антисталинисты скрежещут зубами...

Все так. Имя этой личности настолько слилось с понятиями советской Родины и советского народа, что ее осмеяние автоматически означало осмеяние каждого советского человека, всего советского вообще, в том числе вещей лично дорогих многим людям. А это было покушением на свободу и демократию подавляющего большинства населения, среди которого противостоительные антисталинские анекдоты не приживались.

Данный факт невозможно соотносить с анекдотами о Хрущеве или Ельцине, Черчилле или Гитлере, сплошь язвительными и ругательными. Культы этих руководителей были огромны, но по прошествии времени выяснилось, что сами-то руководители оказались мелки. А если покопаться в их биографиях, то не только от Хрущева с Ельциным и от Черчилля с Гитлером – от множества других образов-примеров тайного и явного злодейства оторопеть можно.

В наше цивилизованное время на цивилизованном Западе цивилизованным руководителем (кавычки не ставлю, чтобы не рябило в глазах) было заявлено: «На территории СССР экономически оправдано проживание 15 миллионов человек». В более щадящих версиях сего плана указывалось 30 и даже 50 миллионов голов крупного и мелкого двуногого скота. Хороши цивилизаторы, нечего сказать!

Вообще-то у этой задумки много авторов, но есть один, в отношении которого допустимо прибегнуть к стебу. Ведь это не какой-нибудь безответственный, мелкотравчатый щелкопер, переплунувший Адольфа Алоизовича в своем человеконенавистничестве.

Это – легенда европейской и мировой политики и экономики (к концу правления вогнавшая свою страну в глубочайший кризис), светоч демократии (душитель ирландской, шотландской и собственно английской свободы), гигант мысли (образованная британская посредственность, прозванная однокашниками «зубрилкой»), выдающийся образец феминизма (недоразумение биологической и социальной природы), прославленная железная леди (вздорная аристократическая баба) Маргарет Тэтчер.

Это она удостоила права жить в нашей стране поначалу всего пятнадцать, а потом, так и быть, тридцать миллионов отобранных особей. Это было ее намерение – истребить четверть миллиарда человек только на постсоветском пространстве. Основные критерии истребления: лишние рты, старичье, зараженность советизмом... Множество других стран для нее и толпы ей подобных «гуманистов» пополам с «правозащитниками» тоже не более чем пространство с экономически неоправданным населением.

Мурашки по коже, и становится вправду не до смеха. Хотя, между прочим, над Тэтчерихой еще при ее жизни сами англичане от души потешались. Ну и презирали, конечно, вопреки благообразному вранью о ней, распространявшемуся «демократами» и «либералами». (Хотя это несколько приелось, но как же метко окрестили их дерьмократами и либерастами, в какую устойчивую терминологическую лексику превратились оба прозвища!)

Из антологии соответствующих анекдотов:

Два британца делятся сокровенным. Один весело: «Мы с женой устраиваем ролевые сексуальные игры. Например, она – активная Моника Левински, а я – пассивный Билл Клинтон. Потом меняемся...». Второй кисло: «Моя жена тоже в активной роли – Маргарет Тэтчер, а я в пассивной роли английского народа. Неизменно».

Но вернемся к лидерам СССР послесталинского разлива.

Они так отделились от народа, что их высмеивание как бы само просилось на язык и, похоже, их самих уже не особенно волновало. Бессмысленность наказания стал очевидна высокому начальству и это одна из причин, почему за политический анекдот больше не преследовали.

Ситуация перевернулась. Анекдоты антисталинского содержания большинством народа при жизни вождя воспринимались как святотатство и, разумеется, были опасны для распространителей. Как бы это кого-то не удручало, но после смерти Сталина анекдоты о партгосчиновниках даже очень высокого ранга воспринимались в качестве абсолютно безопасного фольклора. Люди соревновались – кто знает анекдот посмешнее. Причем, если количество баек об умерших или отставленных от должности руководителях СССР неизменно шло на спад, то антисталинский анекдотный диапазон подозрительно ширился.

В чем дело?

Дело в хорошо спланированной, организуемой, направляемой и тщательно координируемой ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ, осуществлявшейся изнутри и извне.

С середины 1950-х годов берет начало так называемая оттепель, вылившаяся в настоящую мировоззренческую распутицу и политическую слякоть. Хрущевский и последующие этапы низложения сталинизма поощряли разработчиков сего жанра к поиску новых анекдотных тем. Обращает на себя внимание то, что отныне отдельно и очень желчно высмеивался сам народ, что выглядит очень странно, если думать, что все это сочинялось в народе же. Но многие и сегодня не осведомлены о том, что антисоветский политический анекдот почти никогда не является фольклорным творчеством. Это есть продукт, произведенный, расфасованный и выброшенный на рынок идеологическими лабораториями и институтами врага.

На Западе над научно разрабатываемыми «анекдотными» программами трудились хорошо оплачиваемые советологи, кремленологи, сталиноведы, сведущие в вопросах языка, литературы, истории. Интеллектом они, конечно, не блистали, но политический нюх имели отменный, да и язык был подвешен. В основном это были выходцы из нашей страны – евреи, миль пардон. В одном исследовании мне даже пришлось встретиться с претендующим на научное обоснование тезисом, что «в каком-то смысле сам анекдот, как жанр – это еврейская традиция».

Главное же заключается в следующем: вопреки утверждениям «пейсателей», обсасывающих антисталинские мифы-сплетни, колыбелью сей продукции является территория Запада, а не Советского Союза. Поэтому продукции нередко присущ иностранный акцент, хотя немалая доля ее имеет профессиональный литературный окрас отечественного происхождения.

Там же, на Западе издавались многочисленные сборники анекдотов и карикатур с антикоммунистической и антисоветской начинкой, не считая публикаций в периодической печати. Так, в США был выпущен трехтомник собрания антисоветских анекдотов – этакая хрестоматия по курсу «научного антикоммунизма». Материалы для них черпались из литературных и фольклорных источников едва ли не всех стран и едва ли не за все время существования письменности. Они, конечно, осовременивались и «придельывались» к конкретной советской политике, к соответствующей этнографии – русской, украинской, армянской, грузинской, чукотской и пр.

Многие из этих авторов подвизались на западных радиостанциях, вещавших на СССР, где данному сочинительству уделялось самое пристальное внимание.

Словом, обманутые потребители, которые думали, что лакомятся натуральными новинками этого жанра, на самом деле кормились его эрзац-заменителями.

Помните вдруг возникшую в послесталинское безвременье серию анекдотов о Чапаеве? А серии об армянском радио, о чукчах, о Штирлице? За всем этим стоял не народ, стояли они – сотрудники зарубежных спецслужб и пропагандистских аппаратов, их все увеличивавшаяся наемная и добровольная агентура внутри нашей страны. Каналы прозападной агентуры влияния были незаменимы для распространения сего специфического идеологического продукта, когда важно оперативно реагировать на меняющуюся политическую конъюнктуру.

Не зря в перестроечную пору и после нее появились публикации многолетних собирателей, а судя по некоторым данным и сочинителей многих баек. Речь о лицах с весьма однородными в этническом смысле фамилиями: Боров, Раскин, Барский, Фельштинский и др. Я не пренебрег этими весьма писучими авторами, когда обрабатывал огромный объем как просталинских, так и антисталинских произведений.

Здесь проявилась еще одна особенность, только уже послесталинской реальности. Располагая соответствующей информацией, хрущёвско-брежневско-горбачёвская агитмашина ни разу толком не разоблачила ни отлаженное, высокопрофессиональное производство антисоветских анекдотов, ни его главных технологов.



Самых тоненьких сборников с АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ анекдотами что-то не было видно на прилавках наших книжных магазинов. Толерантность к исконным врагам Советского Союза и даже заигрывание с ними входили в моду. Хрущевско-брежневский идеологический аппарат снял спецовку и облачился в смокинг. При Горбачеве он вообще вырядился в клоунский костюм, со сверхунизительной угодливостью танцуя под западную музыку. (Почти все мелодии очень напоминали одну и ту же – «семь-сорок»).

Словом, некое табу повисло над ответными действиями по контрсочинительству. Создавалось впечатление, будто пасущуюся на ниве антисоветского смеха беспородную скотину приравняли в политическом животноводстве к племенным производителям. Таких полагалось беречь, несмотря на то, что они продолжали класть из-под хвоста лепешки антисоветского юмора. Мне кажется, что этот навоз морально и материально подпитывал кое-кого из власть имущих и их обслуги, вот и не было эффективного противодействия.

Хоть бы какая-нибудь контрпропаганда в этой области. Не контрпропагандистская артиллерия вообще, а то специально сконструированное крупнокалиберное орудие, что заряжается снарядами-анекдотами убойного антибуржуазного, антизападного действия!

Хоть бы одна статья или телерадиопередача. Не пара абзацев или замечание ведущего, сделанное мельком, а целевой газетный разворот, регулярная эфирная программа в наилучшее для просмотра и прослушивания время – то бишь в прайм-тайм!

Хоть бы одна пьеска или скетч на театральных подмостках. Хоть бы один капустник в школе или в институте. Хоть бы один отловленный шутник-бумагомаратель, выставленный на всенародное обозрение-осмеяние...

Ни-че-го.

Сатирики, подвизавшиеся в коммунистических рядах, выглядели бледно и выше фельетонов по хозяйственным проблемам либо по бытовому хулиганству, как правило, не поднимались. Подвергать критике буржуазный образ жизни, помимо серьезных политико-экономических произведений, были, в том числе, призваны редкие публикации анекдотов под рубрикой «Иностранный юмор». Этими вкраплениями баловались некоторые газеты и журналы. Их печатали порой на листочках отрывных календарей. Но они не в счет. Они лишь подчеркивали наше послесталинское идеологическое бесплодие и пропагандистское бессилие, усиливавшиеся с каждым годом.

Буржуизм напирало и лезло из всех щелей позднесоветского бытия, погрязшего в сталинофобии. Чтобы надежно законопатить эти щели, можно и нужно было, повторяю, почаще прибегать к созданию и применению эффективного дополнительного материала – анекдотам острой антибуржуазной, антизападной направленности. Причем, потребность в данном пропагандистском материале сохранилась и будет лишь увеличиваться.

Но я сейчас не столько об этом. А о том, что в ряде анекдотов образ Сталина и приметы его времени подаются точнее, нежели в иных исторических монографиях. Не следует переоценивать документальность острот и приколов, правдивость шутливых замечаний очевидцев событий. Тем не менее, определенную свидетельскую роль выполняют даже те шутки-прибаутки, которые я позаимствовал у названных выше собирателей, каковые вовсе не славились своей объективностью.

Всякий человек, ослепленный антисоветизмом и антисталинизмом, не воспринимает очевидного: остроумие Сталина – это еще и назидательные уроки. Недаром многие иронические замечания вождя становились буквально всенародными, превращались в крылатые фразы.

Пресловутые двойные стандарты сталиноненавистники стремятся применить по отношению к любому конкретному высказыванию объекта их ненависти. Юмористические сталинские изречения преподносятся ими исключительно в качестве примера отвратительного цинизма и неслыханного жестокосердия. Зато, скажем, остроумие У. Черчилля есть для них эталон муд-

рости. А ведь этот высокородный господин мог изречь что-то наподобие: я уважаю Муссолини хотя бы за то, что он расстрелял своего зятя<sup>3</sup>.

Британский премьер-министр любил повторять это в присутствии мужа собственной дочери, которого недолюбливал. Никакой мудростью здесь не пахнет, только хамством.

Однако я не случайно взял для эпиграфа к предисловию слова именно Черчилля, хотя о сталинском остроумии существуют более емкие и пространные оценки. И не случайно привожу характеристику сталинской эпохи, данную бывшим диссидентом А. Зиновьевым, хотя опять же существуют характеристики научно более глубокие, публицистически более блестящие. Похвала в устах противника, даже если она суть вынужденное признание, произнесенное сквозь зубы, или вырвалась произвольно, или запоздала на много лет, дорогого стоит.

Что касается наилучшего высказывания о Сталине в разрезе нашей тематики, то оно принадлежит классику немецкой литературы Лиону Фейхтвангеру. Писатель не считал нашего вождя великим оратором, и это суцая правда<sup>4</sup>. Однако с убедительной проницательностью засвидетельствовал сталинские приемы использования сатирико-юмористического литературного наследия:

«Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа... Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно. Но главное у Сталина – это юмор, обстоятельный, хитрый, спокойный, порой беспощадный крестьянский юмор. Он охотно приводит в своих речах юмористические строки из популярных русских писателей, он выбирает смешное и дает ему практическое применение». (Подчеркнуто мною. – Л.Г.)

Конечно, поначалу всякий нормальный человек возмущается откровенной ложью, когда ему показывают и рассказывают о Сталине, как о палаче, садисте, дураке, пьянице, бабнике, воре, шпионе, трусе, неуче, умалишенном... Но потом – смеется. Вообще-то практически все антисталинские опусы – повод больше для подшучивания над их создателями и бездумными потребителями, а иногда просто для хохота, вызванного ими же самими, как гротескными персонажами.

В 2010 году под Смоленском разбился самолет с польской делегацией на борту, во главе с президентом Л. Качинским. (Летели на траурную церемонию в Катынь, где якобы по воле Сталина расстреляли польских пленных офицеров). По этому поводу И. Ясина, член Совета по развитию институтов гражданского общества при президенте Российской Федерации, издала стон: «Опять Катынь... Опять гибнет цвет нации. Дотянулся проклятый Сталин».

Позднее она выдала еще более потрясающий перл: оказывается, ее дед, погибший во время войны в немецком концлагере – жертва сталинизма.

Разве это не повод для гомерического смеха, нет, не над жертвами катастроф и концлагерей, а над Ясиной и ей подобными выкидышами демократчины.

Отвязные писаки на полном серьезе связывают сегодняшние экономические трудности и даже криминальную обстановку со сталинским этапом в жизни нашей страны. Между прочим, он закончился несколько десятков лет назад. Или писаки растеряли не только чувство юмора, но и чувство времени? Предположим, ума и раньше ни у кого из них не было, но за столь долгий срок его можно было бы набраться тем, кто метит в сегодняшнюю интеллектуальную элиту.

---

<sup>3</sup> Дочь Бенито Муссолини Эдда была замужем за министром иностранных дел графом Г. Чиано, замешанным в заговоре против дуче и казненным в 1943 г.

<sup>4</sup> Что верно, то верно. Хотя в молодости Сталин хорошо пел, а тонкий музыкальный слух сохранил до конца жизни, но в зрелом возрасте голос его стал слабее, глуше, речь замедленнее. Почему же, несмотря на фонетическую посредственность, она завораживала? В отличие от Гитлера или Троцкого, других краснобаев, он «брал» аудиторию не блеском риторики и эффектностью поз, а безупречностью логики и разумностью мысли, доходчиво выраженной и отвечающей глубинным чаяниям слушателей. Мудрость и авторитетность сталинского слова были таковы, что его слушали, затаив дыхание. При этом почти никто из его политических соперников внутри и вне страны не мог сравниться с ним по использованию смеха в качестве разящего ораторского приема.

Академик В. Данилов-Данильян, судя по всему, не только набрался, но и перебрал. Помните недавние катастрофические пожары вокруг Москвы? «Главной причиной массовых пожаров является уничтожение болот... начатое при Сталине...», – вывела, не дрогнув, ученая рука.

И чем это глубокое, как лужа на мостовой, мнение отличается от вывода известной (при этом обычно уточняют – «скандально известной») в определенных кругах журналистки О. Бакушинской? Ничем. Эта особа посчитала, что нынешний всплеск уголовной преступности в Москве произошел из-за появления портретов вождя.

В одном городе школьники избили сверстника и засунули палку ему в задний проход. Диагноз, сделанный теми, кто информирует местную общественность: «Это обычай наш такой. Истоки его в нашем коммунистическом имени Сталина прошлом».

Воистину диагноз поставлен не преступникам, а самим журналистам. Таких спятивших много не только в местном, но во всероссийском масштабе. У цирковых клоунов появились нахрапистые конкуренты: специалисты по антисталинизму.

Виктору Соломоновичу Горохову до соломоновой мудрости, безусловно, далеко. Но он так старался достичь ее, что накропал книжку «Тот самый Сталин. Портрет без ретуши».

Знаете, какую байку он не постеснялся там поместить? Читаем: «Выходя с дачи вместе с Берией, Сталин ненароком спросил: «Тебе не кажется, Лаврентий, что этот солдат как-то странно на меня посмотрел?». Берия резко обернулся и выстрелом из револьвера убил охранника».

Не будем затрагивать несусветные глупости, откровенно провокационные и клеветнические. Укажем автору на его глупости «безобидного» характера: Сталин с дачи не выходил, а выезжал; охраняли его не солдаты, а офицеры; чекисты, включая их главного начальника, были вооружены не револьверами, а пистолетами.

И, состроив невинное выражение лица, спросим: почему бы Лаврентию Павловичу было не бросить в несчастного охранника гранату, а затем героически накрыть товарища Сталина своим телом? Получилась бы куда более завлекательная история.

Но остановимся. Зачем разбирать побасенку так серьезно или так шутливо? Где наше сострадание? Это же не политика и даже не развлекаловка, это клиническая картина. Не из сталинского прошлого, а из гороховского настоящего.

Юрий Борисович Боров, написавший низкопробную «Сталиниаду» и хваставший, что полвека собирал материал для нее, разоблачает вождя столь примитивно, что фактически мы имеем дело с авторским саморазоблачением.

«Многие сведения о нашем недавнем прошлом не могут быть сегодня документально подтверждены», – признается он.

И какой вывод делает? Потрясающий:

«Однако разве это довод против их публикации с указанием на вероятный, а не достоверный характер? Достоверность таких сведений в процессе исторической проверки будет либо повышаться, либо понижаться. Однако для того, чтобы сведения были проверены, они должны быть введены в культуру».

Умри, Боров, лучше не скажешь!

Но сей господин все же попытался сказать лучше и выдал сюжеты, каждый из коих суть шекспировская (читай: боровская) трагедия. Даром, что вызывают хохот до упаду. Вот они:

«Со Сталиным случались приступы безумия. Он выбегал ночью в кальсонах с пистолетом в руке и бегал по кремлевским коридорам или по даче, ища врагов.

В сибирской ссылке Сталин был вместе со Свердловым, который жаловался на его крайний антисемитизм. В Грузии традиций антисемитизма не было, и к грузину эти настроения могли прийти через связь с жандармерией.

Глубоким вечером Сталин сидел в своем кабинете, просматривал какие-то бумаги. Вдруг он услышал за спиной тихие шаги и выстрелил, не оборачиваясь. Оказалось, что это Аллилуева, стараясь не беспокоить, несла ему чай».

...Отсмеявшись, обнаружим, что западные придурки от наших не отстают. Негативный образ Сталина они присобачили даже к «летающим тарелкам».

Согласно информации, гуляющей среди уфологов, однажды в 1940-х годах в штате Нью-Мексико потерпел аварию космический корабль с пришельцами-инопланетянами. Власти США засекретили происшествие. Однако журналистка Энн Якобсон докопалась до сути и поведала миру, что межпланетного контакта и вправду не было. Ну, слава богу, нашлась хоть одна здравая голова, подумали многие, не дослушав журналистку до конца. А та в упоении принялась доказывать, что имела-де место коварная провокация Джозефа Сталина, хотевшего посеять панику среди американцев.

Брежаловки и страшилки других ее коллег довели многих на Западе до паранойи, выражаемой следующим мнением: во Второй мировой войне Сталин и Гитлер совместно напали на США, Англию и Францию, были разбиты, хотели бежать в Японию, отчего янки оказались вынужденными применить против последней атомную бомбу.

Резонный вопрос о дальнейшей судьбе двух супостатов повисает в воздухе. Не удивлюсь, если в каком-нибудь таблоиде, выходящем в американской глубинке, однажды прочитают, что красно-коричневые долгожители до сих пор прячутся в сибирской тайге и иногда выходят оттуда, чтобы полакомиться чипсами и попить кока-колу в сбросившем коммунистическое иго поселке. Тут самое время просветить американского и всякого другого лоха: если свержение коммунистического ига кое-кому и продлевает жизнь (допустимый политический факт), то употребление чипсов и коки досрочно сводит в могилу всех (точный медицинский факт).<sup>5</sup>

Ох, уж эти янки... Хорошо оплачиваемое бремя «бескорыстной борьбы за свободу» они влечат до сих пор. Как однажды выразился доморощенный пародист, недавно подлые афганские пираты вероломно сбили над своей территорией самолет доблестных американских патриотов, цивилизованно бомбивший дикарские города и села.

Не могу удержаться и не подлить масла в огонь: не иначе воинственные талибы, от которых страдают миролюбивые янки, тоже являются выкорышками сталинизма.

Однако примитивность сталиноненавистников ошеломляюща, и я не уверен, правильно ли они поняли, понимают, поймут некоторые «антисталинские» выпады, содержащиеся в этой книге.

Все познается в сравнении. Некоторые исторические сравнения рождают такую гомеровско-критическую массу смеха, что возможен даже социальный взрыв. Недаром переход от смеха к слезам бывает короче автоматной очереди и нагляднее бухгалтерского отчета – обстоятельство, заслуживающее внимания. Оно вызывает в уме ассоциации и сопоставления, связанные, например, с упорядоченностью сталинской эпохи и хаосом в нынешнее времечко. Хаос характерен и для многого, что творится к западу от российских границ. За примерами далеко ходить не надо. Полоумные киевские бандерлоги, устроившие на Украине кровавую вакханалию – образчик что надо. Но я коснусь не менее примечательного.

После смерти Тито выяснилось:

---

<sup>5</sup> Кстати, о «коммунистическом иге» с точки зрения демографии. Точные статистические данные скрываются большинством режимов, образовавшихся на бывшей советской территории. Но по подсчетам ряда специалистов разрушение СССР уже привело к сокращению населения на постсоветском пространстве ориентировочно на 50 миллионов человек. Как это разрушение аукнулось в Ираке, Сирии, Палестине, Ливии, Югославии, Афганистане, в африканских странах, где на тот свет досрочно отправлены тоже миллионы, подсчитывают до сих пор, и количество нулей к итоговой цифре все прибавляется... Конечно, роль недоброкачественного продовольствия западного производства здесь второстепенная. Из факторов, сокращающих жизнь, на первом месте обыкновенные пули, снаряды, бомбы. Однако многое из усиленно рекламируемых американских и европейских напитков, еды вносит свой вклад в этот процесс. Западная общественность, включая крупных ученых и рядовых потребителей, сама давно бьет тревогу, пытаясь бороться с «макдоналдсами» и прочей пищевой бедой. Пока безуспешно.

Лидер югославских коммунистов лично владел коллекцией дорогих автомашин, роскошными яхтами, тридцатью виллами, конюшней породистых скакунов. Списки его движимого имущества, подлежащего разделу между наследниками, составлялись долгие четыре года. Он также оставил после себя пропитанную вестернизацией, кризисную страну, которая еще при его жизни проваливалась в экономическую пропасть и корчилась в судорогах сепаратизма. Титоизированная Югославия просуществовала примерно 35 лет, и все это время получала разностороннюю помощь Запада. Но в начале 1990-х Запад решил закрыть исчерпавший себя и убыточный «титовский проект». Поскольку запас прочности Югославии был близок к нулю, то она практически мгновенно рухнула в небытие. Таковы последствия антисталинизма в югославской истории.

После смерти Сталина выяснилось:

Лидер советских коммунистов лично владел парой стоптанных и самостоятельно подшитых им валенок, дореволюционным тулупом, бельишком да кое-какими мелочами. Сталинизированный Советский Союз просуществовал примерно 35 лет, несмотря на непрерывный по времени и беспрецедентный по размаху натиск Запада. Запас прочности СССР оказался столь велик, что внешним и внутренним вестернизаторам понадобилось еще 35 лет, чтобы разрушить его – с неимоверным напряжением сил и с привлечением гигантских средств. Лидер оставил после себя пропитанную патриотизмом, традиционалистскую, сплоченную державу, вторую по экономическому могуществу в мире. Таковы последствия антисталинизма в отечественной истории<sup>6</sup>.

Резюмируем. Тито уважаем всемирной дерьмократией, Сталин ненавидим ею. Если это анекдот, то он не о Сталине и даже не о Тито – он о дерьмократии и либерастии, о заклятых врагах человечества, о кривом зеркале капиталистического жизнеустройства.

А вот примеры и параллели более поздние.

Желая обезопасить тылы Красной армии, границы Советского государства и правопорядок на его территории, сталинское правительство переселило представителей некоторых кавказских наций в отдаленные районы страны. Переселило, а не истребило. Предотвратило столкновения, грозившие привести к гражданской войне.

Желая обезопасить тылы своей армии, границы российского государства и правопорядок на его территории, постсоветские правители истребили огромное количество представителей некоторых кавказских наций прямо в их доме. Истребили, а не переселили. Развязали столкновения, фактически приведшие к гражданской войне.

Пропагандистский финал двух явлений: буржуазное сообщество исходит ядовитой слюной, понося Сталина как поработителя, но нежно млеет и ласково блеет, говоря о постсоветских правителях, как об освободителях. Если это анекдот, то он страшноватый и не о сталинцах или ельциноидах – он о преступнике под названием КАПИТАЛИЗМ.

Я не собираюсь скрывать от читателя свои философско-практические предпочтения. Считаю, что отношение к Сталину – это лакмусовая бумажка. Она выявляет в человеке и в обществе многое, если не все. Можно любить или не любить президента или премьера России, глав остальных постсоветских новообразований, можно быть членом компартии или шараться от нее, однако против Истины не попрешь, даже взяв наперевес ядерную бомбу.

Если ты за Сталина, то независимо от политических убеждений ты за высочайшую честность, нравственность, дисциплину, за сильное, процветающее государство, которым его народ гордится, которым никто не смеет помыкать, которого одни, да, боятся, но другие любят, уважают, равняются на него.

---

<sup>6</sup> Пострадала не только Советская родина. На основе антисталинской экономики и политики одновременно с СССР был добит остальной европейский соцлагерь. Не имея основательного сталинизированного прошлого, он пал еще быстрее и позорнее, чем Югославия.

Если ты против Сталина, то сознательно или бессознательно ты за обман, распущенность, вседозволенность, за разрушение государства, за его упадок и потерю независимости, за осмеяние, унижение, оскорбление и, наконец, за исчезновение страны.

Маскировать преступный антисталинизм словесным поносом, состоящим из плохо переваренных «свободы» и «демократии», становится все труднее. Поразительно, но это наблюдается даже в сфере юмора и сатиры. Мне не раз приходилось убеждаться в родном отечестве и за рубежом, что антисталинские шутки исходят преимущественно от людей жестоких, алчных, эгоистичных, циничных, недалеких... Просталинские – наоборот.

Исключения только подтверждали это, лишь на первый взгляд, странное правило. Ни возраст, ни социальное положение, ни религиозная или этническая принадлежность не играли при этом особой роли. Разве что некоторое значение имело место жительства. Или – сожительства.

Знавал я одну любовную пару. Оба были в прошлом женаты-замужем и оба были неодиначового мнения о происходящем. Выражаясь в терминах политической символики, он левый, она правая. Как раз в стране развернулось первоначальное накопление капитала, то бишь приватизация и растащилка. Она признавала, что это грабеж, но возражала против экспроприации экспроприаторов.

Он сердил: где логика – если можно грабить, то почему нельзя грабить награбленное? И еще он недоумевал: однажды твое тело-собственность тоже было приватизировано, его эксплуатировал твой муж, а потом на твое тело посягнул я, отнял его у бывшего собственника, причем ты не возражала.

В его рассуждениях, кроме налета обывательщины и цинизма, был кое-какой резон. Но сдается мне, она не возражала в данном вопросе и вообще потакала просталинским симпатиям нового «приватизатора» лишь потому, что жила в его квартире, а своей не имела. Вот и весь сказ.

Нельзя смеяться, когда пишешь о серьезном – осуждающе говорят одни. Смех полезен в любом, даже архисерьезном деле – утверждают другие, и я придерживаюсь последней точки зрения.

Необходимо лишь усвоить, что кроме чувства юмора, важно чувство меры, вкуса, важна сверхзадача того дела (кинофильма, книги, телерадиопередачи, статьи, плаката и т. д.), в котором автор счел возможным использовать каламбур, шутку, анекдот, другие средства юмора и сатиры. Во всяком случае, ирония, смех, карикатура – грозное оружие политической борьбы, которая всегда была и будет борьбой идеологий. Если, конечно, это настоящая борьба, а не фикция вроде выборов глав США или Папуа Новой Гвинеи, да и кучи других президентов тоже. Вывод не блещет новизной, но от этого не перестает быть справедливым.

Хочется сослаться на собственный пример. Когда давным-давно я начал исследовать сталинизм в качестве целостной теории и практики – неотъемлемой составляющей научного коммунизма, – то меньше всего думал о смешном, но в основном о драматическом, героическом и трагическом в истории нашей державы. Я доказывал, что пора перестать цепляться за марксизм-ленинизм. Не потому, что он-де устарел, а потому, что он вырос и превратился в МАРК-СИЗМ-ЛЕНИНИЗМ-СТАЛИНИЗМ.

В результате воцарения хрущевщины произошло изъятие из великого триединства его венчающей части. Это было подобно отрезанию головы. Безголовое туловище – вот, что такое сегодня марксизм-ленинизм. Но стоит только добавить к нему сталинизм, как мы получаем полный жизни, мускулистый и головастый социальный организм, непобедимый, неподвластный нигде, никогда и никаким врагам.

Утомлять читателя своими теоретическими изысканиями не буду, но подчеркну, что наряду с действительной серьезностью проблемы, присутствует ее кажущееся парадоксальным тяготение к уничтожающему, хлесткому осмеянию противников сталинизма. В самом деле,

чем больше углублялся я в работу по теоретическому оформлению сталинизма, тем чаще на поверхность вылезала сатирическая линия повествования. Я осаживал сам себя. Старался отбросить смешную сторону официального и бытового антисталинизма, сосредоточиться на сугубо научной критике его. Однако юмор, ирония и, наконец, просто издевка над антисталинской дурью брали верх.

Прибегнув к ним в ряде публикаций, я еще тогда подумал: надо бы однажды взяться за сборник, в котором была бы представлена именно эта сторона личности Сталина и феномена сталинизма, как таковых. Стал придумывать рабочие названия: «Сталин шутит», «О Сталине шутят», «Юмор, как наследие сталинизма», «Сталин: величие в смешном». «Сталин. Только юмор», «Сталин смеется», «Сталинская юморина», «Сталин в зеркале своего и чужого юмора», «Смеемся вместе со Сталиным», «Сталин. В шутку и всерьез»... На одном из них и остановился.

Вынося на суд читателя собрание историй, смешных и не очень, хочу отметить следующее.

Понятие сталинского юмора неотделимо от рассказов самого вождя о различных смешных историях, которые он почерпнул из литературы или из собственного жизненного опыта. Оно неотделимо даже от некоторых лаконичных фраз, брошенных им походя. Соответствующую фишку тем более можно обнаружить в его речах, докладах, статьях. Еще больше блистательных образцов сталинского юмора содержится в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях людей, лично знавших вождя и встречавшихся с ним. Однако наибольшая масса просталинского смеха сосредоточена в анекдотах, которые можно классифицировать по двум основным направлениям – былинки и небылицы.

Юмор Сталина и юмор о Сталине – они по многим параметрам схожи с преданиями, дошедшими до нас через десятки руки. В них смешаны документальность и фантастика, отголоски переживаний отдельных лиц и целых поколений, как стародавних, так и современных. Поэтому выглядят они подчас довольно экзотично.

Это произошло из-за того, что сталинский юмор был отшлифован временем. Потеряв что-то из первозданного вида, обрел вид не худший, а лучший. Так же, как морская волна обкатывает гальку, индивидуальная и общенародная любовь к вождю обкатала реальные события и, сохраняя содержание, придала им новую форму.

Моя книга разбита на четыре части; имеется также Приложение.

Первая часть включает 49 типологических единиц (отрывков). Их объединяет происхождение, которое условно можно назвать «Официальный Сталин», ибо взяты они преимущественно из произведений вождя. Вторая часть – это 190 типологических единиц. Они объединены происхождением, которому подходит определение «Неофициальный Сталин». Ее костяк – отрывки из многочисленных мемуаров. Третья часть самая большая. Представлена 330 типологическими единицами, и называется «Анекдотный Сталин»<sup>7</sup>. Содержит анекдоты, афоризмы, изречения. Четвертая часть является, если так можно выразиться, «Иллюстративным Сталиным». Она включает необычные типологические единицы – иллюстрации с короткими текстками. Это – почти два десятка фотографий и рисунков, играющих на руку положительному мнению о вожде. В Приложение вошли до полусотни частушек разных времен. Это – «Частушечный Сталин», тоже, как полагается, с шутивым уклоном.

Каждый пронумерованный отрывок, а их всего, не считая частушек и иллюстраций, около шестисот, представляет собой неравноценные, но равноинтересные образцы того, что можно назвать сталинским фольклором. Даже простейшие по форме они впитаны кровью и

---

<sup>7</sup> Есть прилагательные «анекдотический» и «анекдотный». Между ними большая разница. Первое является насмешливой характеристикой, второе – просто жанровой.

плотью советской и в значительной степени мировой истории. Поэтому интерес к этому наследию сталинизма будет только расти.

Некоторые типологические единицы даются в сдвоенном, строенном и т. д. виде, под одним порядковым номером, так как объединяются рамками цельного сталинского выступления либо формируют единое пространственно-временное поле того или иного исторического явления или просто литературного сюжета. Несмотря на неодинаковость исторической ценности отрывков, это не значит, что в книге они приводятся с последовательным понижением степени их значимости, хотя отчасти я придерживался такой схемы. Старался соблюдать и хронологию. Она, впрочем, кое-где нарушена, особенно там, где дело касается извлечений из опубликованных мемуаров, которые не хотелось расчленять и располагать отдельными кусками по всей книге.

В любом фольклоре важен контекст происходящего и проговариваемого. Поэтому большинство отрывков снабжены комментариями. Все комментарии имеют шрифтовое выделение и являются лаконичными или подробными, вполне серьезными или тоже ироничными. Я старался не загромождать ими книгу, чтобы не затенять тексты оригиналов, демонстрирующие богатую палитру сталинианы. А чтобы не отвлекать внимания читателя, решил обойтись без ссылок на источник по каждому отрывку. Ссылки имеются только в некоторых комментариях к ним.

Библиография сталинианы необъятна, поэтому список использованной литературы дан в конце книги в сокращенном виде. В процессе работы не раз приходилось прибегать к помощи интернета, где имя Сталина не сходит со страниц огромного числа сайтов. Но перечень сайтов, откуда почерпнуто многое, слишком велик, чтобы воспроизвести его полностью. То же самое могу сказать о газетах и журналах.

Общим для трех текстовых частей является то, что там имеются факты, относительно хорошо знакомые, давно известные, особенно представителям старших поколений. Правда, некоторые из них при общей схожести имеют в различных источниках различную редакцию. Кроме того, в каждой части представлен ряд свидетельств, очевидно говорящих в пользу Сталина, в пользу его мыслей, слов и поступков, однако напрочь отсутствующих в материалах антисталинистов. Ведь цель последних неизменна на протяжении уже почти целого столетия: порочить, клеветать, высасывать из пальца, плодить чернуху, заниматься блохоискательством, подгонять историю под собственные, изрядно набившие оскомину догмы.

Едва ли не самое невинное обольщение Сталина – некое свидетельство, которое я вычитал у одного из них: «Коба не понимает шуток. Станный грузин – не понимает шуток».

Автор того опуса имел нахальство приписать эти слова видному большевику и сталинскому соратнику Серго Орджоникидзе. Мало того, что все послесталинское время нам ввали про самоубийство Орджоникидзе, враги еще и занимаются пропагандистской некрофилией, насилая мертвых тем, что засовывают им в рот свои измышления. Думаю, читатель, ознакомившись уже с первой частью, разберется, понимал ли Сталин шутку.

А если серьезно, то наша страна, раскинувшаяся на необъятном межтриокеанском просторе, обладающая уникальными по количеству и качеству природными ресурсами, уникальной историей, уникальными культурными и техногенными достижениями, выделяется также непревзойденным, многогранным чувством юмора ее народа. Никто в мире не может похвастать таким. Ни знаменитые английский или французский, ни своеобразные индийский или персидский, ни какой-либо африканский или южноамериканский юморы не могут сравниться с нашим по объему, остроте, смысловой нагрузке.

Он одновременно может представлять собой, как узконациональное, так и общечеловеческое измерение, сбереженные и новообретенные в имперском пространстве, некогда простиравшемся на трех континентах. Это объясняется, наверное, еще и тем, что если все прочие империи РАЗДЕЛЯЛИ и переваривали, то Российская империя ОБЪЕДИНЯЛА и сохраняла.



Быстрее и полнее всего чувство юмора развивалось в советское время, что нашло отражение, изустное и письменное, в различных сферах литературы, искусства, политики, среди всех возрастных и профессиональных категорий. Одно это служит опровержением вранья антисоветчиков о скучной, беспросветной, угрюмой жизни в СССР.

Признаться, высшие руководители позднесоветского периода, которые были чувством юмора сильно обделены, смотрятся бесцветно. А ведь оно было свойственно большинству русских царей и цариц, в развитом виде имелось у Ленина и у Сталина. Трудно отделаться от мысли, что вождизм, имперский дух и такая же деятельность, обогащенные остроумием, суть важнейшие факторы, которые способствуют занятию государственных высот. Причем, выдающуюся личность эти факторы готовят непосредственно к роли вождя. В нашем случае – к роли красноимперского вождя, чью миссию с блеском выполнил Сталин и провалили его преемники.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.